

18+

Ирина Анатльевна
Мовчан

Будет что будет

*Продолжение
книги «Своя ноша
не тянет»*

Ирина Анатльевна Мовчан
Будет что будет. Продолжение
книги «Своя ноша не тянет»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42756923
ISBN 9785449693150

Аннотация

Непросто молодой женщине жить одной в большом городе, где не только соблазны, которые не интересны Дусе, красавице и умнице. В большом городе много плохих людей, и удача, когда есть кто-то, кто способен защитить в трудный момент. Вторая книга про Дусю.

Будет что будет

Продолжение книги

«Своя ноша не тянет»

Ирина Анатльевна Мовчан

© Ирина Анатльевна Мовчан, 2020

ISBN 978-5-4496-9315-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.

День не заладился с самого утра. Даже, пожалуй, неделя не заладилась – в понедельник не пришел Никитка, хотя и обещал, и Дуся жила в состоянии нарастающего беспокойства все пять дней. Где-то со среды в Дусиной душе образовалась маленькая черная точка, которая, с каждым днем чуть вырастая в размерах, подавала Дусе пульсирующий сигнал: что-то не так... что-то не так... Каждый вечер, возвращаясь с работы, с беспомощной надеждой Дуся озиралась перед своим подъездом, надеясь увидеть где-нибудь неподалеку курчавую голову, домашние дела – хотя какие у нее дела? одинокая старая дева – валились из рук, и до самой ночи девушка была вся одно большое ухо, обращенное вовне:

не пискнет ли домофон, не позвонят ли в дверь... Перед сном ей стало казаться, что она слышит сквозь стены, которые как будто становились картонными, как разговаривают между собой соседи – бубнят снизу, сверху, справа и слева... Проваливаясь в сон, Дуся ощущала себя в центре большого гудящего улья, где ее ячейка была самой тихой.

Под рукой не было даже валерьянки, все лекарства Дуся безжалостно выбросила три месяца назад и поклялась никогда не держать в доме, на то были причины, поэтому как раз сегодня она собралась уйти с работы пораньше и успеть на Преображенский рынок – и зимой и летом возле дальней стены в кособокой, еще от советских времен, палатке симпатичная бабулька торговала травами и сборами, помогающими «от всего». «Надо чего-нибудь попить, – размышляла Дуся, – может, пустырника какого, мяты... Может, травница что посоветует еще... А то что-то я подустала». Но сегодня, похоже, уйти с работы пораньше не получится.

Вообще-то Дуся, не споря с полосатостью жизни, давно приспособилась с минимумом потерь проживать серый ее период, по опыту зная, что кусок этот закончится рано или поздно. Но нынешней серой полосе, похоже, пока конца-края не было видно: мало того, что Игорь, новый знакомый («Перспективный?») – чуть завистливо спросила подруга и коллега Лариска. «Перспективный, перспективный», – успокоила Дуся, не услышав Ларискину зависть) в воскресенье уехал в командировку, не совсем понятно, куда, пре-

дупредил о ней как-то торопливо и, что как раз и униЗИ-тельно, туманно обозначил сроки возвращения, не пообещав звонить, мало того, что Никитка, одиннадцатилетний украинец-полубомжонок, которого Дуся в буквальном смысле нашла на улице и в судьбе которого вот уже три месяца принимала прямое участие, не давал о себе знать, впридачу к этому сегодня, что нехарактерно для пятницы, прямо с утра в рекламном агентстве, в котором Дуся работала уже добрый десяток лет и считала себя закаленной в самых разных форс-мажорах, у нее неожиданно образовался настоящий содом и гоморра – Дуся понадобилась сразу чуть ли не половине своих клиентов, сделать работу каждый раз нужно было сегодня, работа требовала переговоров по телефону с редакциями разных журналов и газет, на том конце провода нужных людей обязательно не оказывалось на месте или они просили перезвонить позднее, оговоренное время Дуся пропускала, потому что как раз говорила по телефону с очередным старым клиентом, который долго и обстоятельно объяснял, какую именно рекламу и где ему нужно разместить, и желательно начать работать уже сегодня, сразу и немедленно, предыдущий собеседник удивленно перезванивал на мобильный и брюзгливо напоминал, что он сидит и ждет ДусиноГО звонка, Дуся оправдывалась уже по двум телефонам сразу, объясняла причины задержки одному и просила подождать на трубке второго. В промежутках между телефонными разговорами Дуся выставила счета двум клиен-

там, еще трем сбросила стандартные письма-предложения, чуть не перепутав суммы предполагаемой рекламной кампании... Олег, начальник и, как позналось в недавней беде, друг, несколько раз сочувственно заглядывал в Дусину кабинку, на которые перегородками был поделен большой зал, вздыхал и молча уходил – видимо, и ему сегодня что-то нужно было от Дуси, такой уж день...

Дуся, в душе надеясь, что сегодня пик серой полосы (слава богу, не черная!) и уже дальше проблемы пойдут на спад, быстро и сосредоточенно стучала поочередно то по клавишам калькулятора, то по клавиатуре компьютера, сверяясь с карандашными записями на разложенных на столе листках, затылочной частью мозга удивляясь неожиданно замолкнувшим телефонам и тишине в просторной «менеджерской». Кажется, на работе уже никого нет, соображала затылком Дуся в то время, когда передние, лобные доли мозга оперировали суммами, процентами и сроками, видимо, рабочий день закончился, потому и так холодно – кондиционер наконец начал справляться с задачей довести атмосферу помещения, весь рабочий день подогреваемую мощной энергией одиннадцати коллег и стольких же компьютеров, до заданных ему утром двадцати градусов по Цельсию. Прощаться по окончании рабочего дня в отделе прессы было не принято, начальство – Олег – неукоснительно требовало являться в офис не позднее десяти часов утра, а вот уходили домой сотрудники каждый «в своем режиме». Может, кто-нибудь все же

еще работает, надеялся Дусин затылок, встанет и прибавит тепла. Дуся никак не может, чтобы не приходить на работу завтра, всю эту гору писанины нужно сделать сегодня. Если сейчас подняться и пойти разыскивать пульт, который может запросто не оказаться на своем месте, возле принтера, с рабочего ритма собьешься точно. Телефон на столе все же зазвонил, и Дуся, вздохнув, но не оторвав глаз от монитора, поднесла к уху трубку.

– Дусенька, дружок, ты еще долго? Уже восьмой час. Я бы пошла с тобой до метро, если не возражаешь. – Галина, офис-менеджер и секретарь на телефоне отдела прессы рекламного агентства «Сетрас-Медиа», по дневной привычке говорила официальным высокомерным тоном. Галина работала у них месяца три, но Дусе казалось, что знакомы они уже черт знает сколько. Как-то сразу общение у них началось на равных, хотя Галина была старше Дуси почти на двадцать лет, и понемногу перерастало в тихую надежную дружбу. Наверное, потому, как-то объяснила себе Дуся, что я и со своей покойной бабулей вела себя без уважения, как с ровесницей, а Галина по сравнению с бабулей – совсем еще девочка.

– Галь, вообще-то мне домой надо, может, Никитка придет, а меня нет. Только если мы с тобой завтра едем в «Икею», мне за сегодня нужно будет все доделать, что свалилось. Клиентов-то надо беречь, а я сегодня довольным мало кого оставила.

– Могу тебя успокоить: сегодня не только «госпожа Ку-

лакова» была нарасхват, у всех девчонок проснулись рекламодатели. Почему их в пятницу-то прорвало? Обычно такой тихий день...

– Сама не знаю, может, потому что конец августа. Отпуск все отгуляли, осенью работа пойдет в полную силу, вон они и начали готовить рекламу. Слушай, я так беспокоюсь за Никитку... Я ему давала и мобильный, и домашний, и даже, кажется, рабочий телефоны... Нет, рабочий не давала, мобильный же есть.

– Дусь, я не уверена, что у него есть возможность воспользоваться телефоном. Он тебе хоть раз звонил?

– Не-а. Не звонил никогда. Всегда приходил сам.

– Ну вот. И вряд ли он думает, что ты о нем беспокоишься. Дусь, ну куда он денется, твой Никитка! – Галина наконец сменила тон на дружеский. – Придет – так посидит во дворе, ему полезно. Будет знать в другой раз, как пропадать. Давай я нам кофе сделаю, я тоже сегодня что-то устала, приходи минут через пять, попьем кофейку да поболтаем чуток.

– Ну делай, – легко сдалась Дуся, подумав, что сегодня не только не ела ничего кроме завтрака, но и за день ничего не пила, кроме воды. Она попыталась на выделенные ей пять минут снова сосредоточиться на том, что показывал ей монитор, но рабочая собранность не вернулась. И как так получается, обиделась на себя Дуся, что все коллеги давно ушли домой, а она все никак не сделает свою работу? Ну почему все люди умеют структурировать свое время, а у нее,

Дуси, все всегда сваливается в кучу, то густо дел, то пусто? Сегодня вот как раз густо. А ведь могла бы догадаться, что к осени все будут увеличивать объемы рекламы, могла бы сама хоть кому-то заранее позвонить, как-то предугадать, распределить на несколько дней... Дуся почти всплакнула над своей бестолковостью, но вовремя подумала, что Галина будет недовольна: та считала самоедство «непродуктивным». Да, пожалуй, пора идти пить кофе. Все равно я просыпаюсь по утрам в шесть, решила Дуся, так приду в понедельник к восьми утра и все спокойно сделаю. Она оглядела стол и решила оставить записки-напоминалки так, как лежат: в понедельник легче будет включиться в работу, а за выходные никто не увидит, что Дуся неряха и на рабочем месте у нее полный бардак.

Выключив компьютер и кондиционер, Дуся прошлась по пустой менеджерской. Никого. Даже Олег ушел, а ведь хотел о чем-то поговорить с Дусей... Да, в последние дни августа все спешат пожить летней жизнью, и только Дусе – себе-то можно сказать правду – совсем нечем заняться. «Что воля, что неволя – все равно...» Дусе должно быть стыдно за себя. Конечно, если бы отец был жив, он бы сейчас ее отругал. Молодая, сказал бы, здоровая, образованная – и такой лодырь. Или не так назвал бы? Лодырем обычно называла бабуля. Да и то называла в детстве, срочно стала поднимать себе самооценку Дуся, а в последние лет пятнадцать я успешно притворяюсь сильной и работоспособной, я луч-

ший менеджер отдела, умница и красавица... «А еще я... – Дуся вышла к ресепшену, где в одном из кресел для посетителей задумчиво курила Галина, стряхивая пепел в пустую пачку от сигарет, а на журнальном столе перед ней остывали две больших чашки кофе. – А еще я... Что ж я еще-то? А еще я, – нашлось наконец что-то новенькое, – я нравлюсь хорошим людям, а плохим не нравлюсь! Вот!» Этой полуигре-полушутке ее как раз Галина и научила. «Подсознание не имеет чувства юмора, – еще в самом начала их знакомства попеняла Галина Дусе. – Оно принимает все, что ему говорят. А ты, Дусь, ругаешь себя в дело и не в дело. Хвали себя почаще. Каждому человеку найдется за что себя уважать. И каждый человек иногда бывает не на высоте. Это нормально, Дусь. Ты же делаешь выводы из своих ошибок?» Вообще-то Дуся делала. Вот только правильные или неправильные выводы – в этом каждый раз сомневалась.

– Все-таки домой собралась? Ну и славно, – Галина тщательно загасила сигарету о внутреннюю стенку пачки. – Может, где-нибудь поужинаем? – Дуся отрицательно качнула головой. – Ну ладно. Наш народ уже в пять часов весь разбежался по домам, Катерина твоя вообще в одиннадцать ушла, Олег – в четыре. А ты все сидишь. Ты и в отпуске ведь совсем не была?

– Не была... Да зачем мне было отпуск брать, Галь? Я и без отпуска не знаю чем заняться, а ты говоришь – отпуск...

– Дусь, все придет в свое русло. Конечно, столько лет ухаживать за бабушкой-инвалидом, всю свою жизнь под это выстроить... За год, конечно, перестроишься, привыкнешь. Прошло-то только три месяца... Или меньше? Да, три. А что кавалер? – Перевела Галина тему. – Не звонил?

– Не звонил, – как можно беспечнее ответила Дуся. – Да мы и не договаривались, что он будет звонить...

– Ну не звонит – и не надо. Скорее всего, он тебя испугался. Знаешь, сильные женщины мало кого привлекают. И уж никак не сильных мужчин. Это слабаки ищут, к кому бы прислониться, на чью бы шею сесть. В хирурги такие не идут. Хирург по определению человек ответственный, такому нужно все, что входит в сферу его интересов, держать на контроле. И корректировать. В первую очередь поведение окружения, от которого он зависит, чтобы оно не вышло из-под контроля. А тобой разве покомандуешь? Тебя опасно включать в сферу своих интересов.

– Галь, ну какая я сильная? Я обыкновенная. И почему мною обязательно нужно командовать? – Вяло возразила Дуся.

– Потому что у мужиков это – в при-ро-де, – выделила Галина последнее слово. – Такими мы, двуполые, уродились. Да и вообще человечество эволюционирует только потому, что мужская его часть постоянно совершенствует средства своего комфорта и безопасности, стремясь управлять миром. Опять же, управлять исключительно в целях собствен-

ной безопасности. Ну подумай, разве я не права?

– Галь, не буду я об этом думать, – отказалась от философской дискуссии Дуся. – Я сейчас думаю, знаешь, не о человечестве, а о Никитке.

– Умничка. Ты очень грамотно выходишь из стресса.

– Галь, ну что ты, ей-богу! Мальчишка взялся за очень тяжелый для него труд, я с ним случайно познакомилась, помочь я ему могу, время у меня есть, да и нравится он мне. Я еще когда в метро его увидела, знаешь, как-то сразу поняла, какой он светлый и сильный мальчик. Ниоткуда я не выхожу. Я просто хочу ему помочь, мне-то это легко. – Дуся сделала последний глоток и отставила чашку. – Я тебя с ним, бог даст, познакомлю. Посмотришь тогда, что это за парень. Грех такого не поддержать. А фамилия у него знаешь какая? Масалыга. Никита Масалыга.

Галине совсем не хотелось развивать разговор о фамилиях. С Дусей о фамилиях она вообще не говорила. В самом начале своей работы Галина как-то сразу все узнала про Дусю от Катерины Корольковой, одноклассницы и коллеги Дуси: что Дусю назвали в честь бабушки Евдокии Романовны, той самой, которая хоть и сильно болела, прожила очень долго и вот на днях, разговор был в конце мая, умерла, что бабка эта была единственной Дусиной родственницей, потому что Дусина мать была единственной дочерью этой бабки. Что родители Дуси погибли в автокатастрофе еще в девяносто первом году. Что про деда по материной линии в семье Кула-

ковых никогда не упоминали, похоже, была это бабкина тайна, а отец Дусин во время войны совсем маленьким оказался в детдоме, где ему и дали эту фамилию – Кулаков, потому что найденыш в дело и не в дело сжимал руки в кулачки. Хорошая, в общем-то, фамилия, делилась с Галиной, с которой они тогда были знакомы два дня, Катерина, и отец у Дуси сумел пробиться в люди, был он то ли дипломат, то ли журналист, в общем, как-то так, что журналист с дипломатическим паспортом. И все у нее, у Дуси, было бы нормально, если бы не бабка, сокрушалась Дусина подруга, бабка, которая и своим имечком, и своей болезнью всю жизнь Дусе поломала. И вот наконец-то, – Катерина тогда, в разговоре, искренне порадовалась за Дусю, – наконец умерла. Дуська ведь просто молилась на свою бабулю, пылинки с нее сдувала, только бабкой и занималась, и речи не было о том, чтобы имя свое поменять, например, на Елену или Светлану какую-нибудь, да хоть Дарью, и как легче ей, Дусе, по мнению Катерины, было бы жить... Галина, увидев Дусю, пришедшую на работу спустя три дня после похорон бабушки, чуть удивилась Катеринину радостному «наконец умерла»: Дуся едва волочила ноги.

Как-то сложилось, что Галина и Дуся все чаще с удовольствием ужинали вместе после работы в каком-нибудь недорогом кафе в центре, обсуждая текущие дела, телепередачи, современную моду и всякие другие неличные вещи. О прошлом каждой они говорили мало. Дуся не испытывала по-

требности рассказать о себе неформальные подробности, замечая, что Галина уже и сама кое-что о Дусе знает, а Галине не было нужды расспрашивать дальше: и так было все понятно. Про себя Галина тоже ничего особо не вываливала, а Дуся не спрашивала. То есть Дуся знала, что дети у Галины выросли, что у сыновей свои семьи, что муж Галины умер не так давно и неожиданно – обширный инфаркт – а внуки с невестками живут все лето в еще родительском, а теперь Галинином доме на хуторе прямо на берегу Дона, в Ростовской области. Что работать Галина пошла, чтобы «не мешаться у невесток под ногами», а до этого много лет не работала. Импонировало Дусе, что Галина весной закончила курсы офис-менеджеров («Ты не представляешь, как на меня двадцатилетние девчушки смотрели, на шестом десятке учиться компьютеру... Им кажется, что в этом возрасте уже в гроб пора»), а сейчас ходит на курсы английского языка («Ты только никому не говори, – на всякий случай попросила Галина Дусю, – Просто когда я по телевизору услышала, что Путин английский учит, думаю: а я чем хуже? Мы ровесники. Тем более, я в юности очень хотела знать английский... ну и вот...»). Да много чего импонировало в Галине, в свое время двадцать лет отработавшей учительницей начальных классов в обычной школе. «Понимаешь, – объяснила она на Дусе запоздалую перемену профессии, когда в прошлую пятницу они сидели в летнем кафе, – я с бывшими коллегами ведь до сих пор общаюсь, вот и понимаю, что

учительницей работать уже не смогу. Не принимаю я ни этих реформ образования, ни сегодняшнего отношения родителей к школе, ни мизерных зарплат...» Тогда-то Дуся и «раскололась» про Никитку. Что есть у нее знакомый мальчик, что подружился с Дусей и приходит к ней иногда в гости, что мальчик этот вряд ли будет учиться вообще, что он должен заработать денег на новый дом, так решили родители, и он с ними согласен... Оригинальный, в общем, по московским меркам мальчик. Галина очень хорошо понимала, что мальчишка для Дуси – первая попавшаяся отдушина, найденная после смерти бабушки. Отвыкла Дуся жить для себя за столько лет, привыкла в кого-то вкладывать свои душевные силы. Найдутся и другие, более достойные, точки приложения сил Дусиной души, была уверена Галина, пройдет время и все наладится. В конце концов, замуж выйдет, нарожает собственных детей, будет не до бомжат в метро. Лишь бы Дуся к этому чужому ребенку не прикипела. Только вот этот Никитка, странным образом прибившийся к Дусе, воспользовавшийся, и так было понятно, Дусиным душевным кризисом, оказывается, обласкан еще и из-за фамилии. Непорядок. Есть же, наверняка есть, у Дуси этот комплекс – что она не такая, как все. Галина даже не могла припомнить, откуда в обществе взялось это нарицательное «Дунька Кулакова» и почему сия всем известная барышня пользуется у людей таким презрением. У мальчишки оказалась тоже смешная фамилия, не Вася Пупкин, но все же... Так девушка мо-

жет найти в этом хохленке и другие родственные черты, как говорят психологи, «заякорится» на нем, мелькнула у Галины недовольная мысль. Нехорошо. Не нужно бы тратить душу на побирушку из метро, неблагоприятное это дело.

– Дусь, а вдруг он талантливый мошенник и никакие деньги ему не нужны? – спросила Галина с сомнением. – Мало ли, может, он тебя на жалость пытается раскрутить. Ты одна, деньги, по его мнению, тебе девать некуда...

– Во-первых, Галь, когда я с ним познакомилась, он еще не знал про меня ничего. Даже не это во-первых. Во-первых, это я сама к нему подошла. Во-вторых, он... ну, он мне тоже помог. Вернее, я пообещала ему помочь, а тут у меня бабуля умерла... ну, это ты уже у нас работала... а он ждал три дня в кустах, меня высматривал, и пришел ко мне домой как раз, когда... ну... в общем, очень вовремя.

– Дусь, ну что ты как маленькая! Помог, помогла... Люди помогают другим по самым разным причинам. И только по своим собственным. Ты бы лучше себя самое чуть-чуть побаловала, ну, съездила бы куда-нибудь к морю, позагорала, отдохнула...

– А в-третьих, – Дуся, поднаторевшая в разговорах с клиентами, редко сбивалась с мысли, когда ее перебивали. – В-третьих, Галь, в конце концов, я же действительно не была в отпуске, я могу поехать туда, в эту его деревню, и сама посмотреть, действительно ли у них сгорел дом и все ли правда, что он рассказывает. Я в географическом атласе прове-

рила, действительно есть такой городишко – Турьи Реметы. От них... от него... Галь, если город называется «Реметы», то идти пять километров от них или от него, как правильно сказать?

– Какая разница. Тебя должно больше беспокоить, что идти пешком пять километров, если ты, оказывается, так планируешь свой отпуск. Совсем там, что ли, никакого транспорта нет?

– Вроде бы нет, это же Карпаты.

– Карпаты, по-моему, очень близко к Европе, а чем ближе к Европе, тем уровень цивилизации должен быть выше. А знаешь, – простила Галина Дусину прихоть, считая ее все же проходящей, временной, – отдохнуть в Карпатах – тоже неплохо. Возьми путевку в дом отдыха и заодно съездишь в эти свои Реметы. – Женщина убрала немытые чашки в стол. – В понедельник с утра помою, – ответила она на удивленный Дусин взгляд. – Ты никогда не оставляешь грязную посуду?

– Никогда... – растерялась Дуся.

– Правильно. По фен-шую нельзя. Энергия застаивается, а она должна постоянно течь. Но это же моя энергия. Хочу – течет, хочу – застаивается. В понедельник приду, вымою – и опять все потечет, – в глазах Галины заблестели искорки.

– Галь, мне иногда кажется, что ты всерьез во все это веришь.

– Ну ты же наверняка слышала про Ньютона: тем, кто

не верит, все равно помогает, – Галина улыбнулась. – А с точки зрения твоей любимой психологии лучше жить в согласии с самой собой, чем себя насилловать. Поэтому когда фен-шуй вступает в противоречие с моими мелкими капризами, я живу не по фен-шую, а по порывам души. Все равно я по утрам споласкиваю чашки. А эти две вымою, вот и все.

Женщины, заперев дверь и сдав ключ на охраннику, вышли на Тверскую и повернули налево, к Пушкинской площади.

– Ты мне лучше скажи, Дусенька, – продолжила тему Дусиного отдыха Галина. – Почему ты тогда прямо сейчас не едешь покупать дом родителям своего Никитки, а ждешь, когда у него закончится этот так называемый контракт? Понятно же, что серьезных денег он сам этим своим пением в метро не заработает. Бери его и езжайте, пока лето. Отдохнешь, позагораешь. Путевку, Дусь, только в дом отдыха бери, ни в коем случае не в санаторий. В санатории ездят одни болящие, с кем ты там общаться-то будешь? Хотя и в дом отдыха тоже не стоит. Нормального мужика сейчас разве что на спортивной базе можно встретить. Вряд ли там есть горные лыжи, Карпаты – низкие горы, но чем черт не шутит. Я тебе выясню. Может, там какой другой спорт процветает, мало ли.

– Галь, ну какого мужика! Мне и этот, знаешь, пока нравится. А Никитку как я тебе без документов через границу перевезу, это же другая страна. У них, у этих артистов в мет-

ро, там все организовано: приехали группой, уехали группой... Уедет – поеду вслед да посмотрю, что там у него за деревня. Знаешь, я денег за месяц больше трачу, чем у них там жилье стоит, так что мне этих расходов не жалко совсем.

– Ну правильно, Дусь, у тебя одна сумка денег стоит больше, чем средняя пенсия по стране. Получается, продав весь свой гардероб, ты могла бы в Карпатах целую деревню купить? Или несколько улиц? – Галина было развеселилась, но снова взяла серьезный тон: – А может, Дусь, тебе лучше не заниматься самодеятельной благотворительностью? Это ведь совсем чужие тебе люди. Присосутся как клещи, и так и будешь их подкармливать неизвестно сколько времени. Пусть сами свои проблемы решают. А ты займись Игорем, пока он тебе еще нравится.

– Игорь все равно в командировке. А эти чужие люди – они же свои проблемы сами и решают... Отправили мальчишку работать. Если Никитке пять-шесть раз съездить в Москву на заработки, как раз будет на дом. Только в школу он ходить не будет неизвестно сколько. И вряд ли после этого вообще пойдет. Вырастет за два года, зарабатывать ему понравится, и уже учиться не заставишь.

– Вот уж никогда не думала, что так бывает... Да я вообще об этом, если честно, никогда не задумывалась. Как это можно: не пустить своего сына в школу, а отдать побираться в другую страну?

– Галь, ну это все-таки не дочку в проститутки, а ведь

и такое бывает. Там вроде бы все нормально, вся деревня этим зарабатывает. Его родители хотели, чтобы он все-таки стал образованным, а тут этот пожар. Их семью родственники к себе жить забрали, но это же временно. Никто бы не понял родителей, если бы сын продолжал учиться.

– Слушай, а может, он уехал уже? Сбежать к тебе не удалось, вот и не сообщил... А, Дусь, может такое быть?

– Теоретически может быть все что угодно. А практически они до конца сентября должны были быть, он здесь и так на два срока задержался, дети у них в группе на два месяца ездят. Если он с октября вернется в школу, думаю, ничего. Лишь бы родителей Никиткиных эти рекрутеры опять не уговорили. Он в последнее время, знаешь, много зарабатывает. По их меркам.

– Господи, какой же кошмар! Это же... это же организованная преступная группа, или я что-то не понимаю? Интересно, куда вообще смотрит милиция, таможенники? Через границу-то как?

– Известно, Галь, куда смотрят. Это же бизнес. У хозяев все схвачено.

Женщины подошли к метро и остановились.

– Ну так что, – спохватилась Галина, – завтра работать пойдешь или в «Икею» поедешь? Поехали, Дусь, а? Посмотришь мебель, шторы... Просто посмотришь, и все.

– Поедем, я же не отказываюсь. Чтобы приглашать... ну... кого-либо в дом, конечно, нужно сделать ремонт и купить

новую мебель. Но пока что, знаешь, Галь, я из старого выбросить ничего не могу. Мне кажется, это как-то... кощунственно, что ли.

— Ну и не выбрасывай пока. Давай постоим, я перекурю. — Галина достала сигарету. — А вообще, что он повадился к тебе бегать, Никитка-то? Ведь он не знает, что ты его собираешься, прости, Дусь, осчастливить, а кормят их, ты говоришь, нормально...

— Галь, ты только не смейся. Я его учу.

— Чему? Побираться? Или русской грамоте? — Галина все же рассмеялась.

— А побираться, думаешь, легко? Здесь те же самые законы, что и в любом бизнесе.

— То есть основам менеджмента учишь? — Галина, видя, что Дуся не обижается на иронию, позволила себе ее не скрывать.

— Ну да. И психологии. И методу Станиславского. Знаешь, как он пел, когда я в первый раз его видела? Злобно, с отчаянием... Ему никто не подал, потому что за это платить не хочется, даже я денег не дала. Смотрящий, или как там его, в общем, дядька, который следит, чтобы с артистом ничего не случилось в метро, вечером побил его, потому что нужной суммы они за весь день так и не собрали, а у них же план, такой же финансовый план, как везде, ну Никитка от него и сбежал. Не били его никогда чужие люди, понимаешь? А тут побили. Один, вообще первый раз в городе... Что угод-

но могло случиться. Это чудо, что я его встретила в нашем районе. В первый раз увидела в метро, а на другой день – на улице, тут уж я к нему подошла. Знаешь, я как-то сумела ему объяснить, за что люди будут давать деньги. Он понял. Знаешь, он какой толковый!

– А друзья твои как реагируют на твой оригинальным образом проснувшийся материнский инстинкт?

– Так не знает никто. Одна ты и знаешь. Да еще Игорю рассказала, так получилось.

– Нашла кому рассказывать! Дуся! Может, этого он и испугался! – Галина расстроено швырнула окурок в урну.

– Может, этого... – погрустнела Дуся. – Только если этого, зачем он мне такой нужен?

– Да не решай ты сразу, – слегка испугалась Галина. – Может, не этого! И потом, если у вас ничего практически не было, он же тебе пока никто? Просто приятный знакомый, с которым нравится общаться. Ну и все, чего раньше времени рубить-то сплеча? И потом, Дусь, вдумайся, когда выйдут замуж, говорят: она его выбрала. Вы-бра-ла, понимаешь. Из некого количества. То есть ты себе сначала условия выбора создай, кандидатов подбери небольшую толпу, а потом уже из них выбирай окончательно.

– Хорошо, Галь, – не стала Дуся вступать в очередной беспредметный спор: нескольких мужчин она любить не умела, а как можно выбирать мужа, ну или хотя бы потенциального отца своему будущему ребенку, из нелюбимых? – Пойдем-ка

по домам, чего стоять.

Не совсем довольные друг другом, женщины вошли в метро. Галине нужно было на «Речной», Дусе – на «Семеновскую». Посредине «Тверской» они прощально кивнули и разошлись в разные стороны.

Только в вагоне метро Дуся поняла, как она голодна. «Вчера на ужин доела последние сыр и колбасу, – соображала девушка, чувствуя, как желудок от мыслей о пище сводит все сильнее, – хлеб дома еще есть, яйца... по-моему, осталось два или три, тоже надо покупать...» Яичницы не хотелось. «Завтра в „Икее“ микроволновку куплю и буду всегда держать в холодильнике замороженную пиццу, – твердо решила Дуся. – Интересно, там продаются микроволновки, или только мебель, шторы и посуда? А с понедельника выясню, – начала она себя дисциплинировать, – где мне удобнее учиться водить машину, запишусь на курсы, выучусь и получу права. Получу права и куплю машину. И на этой машине буду ездить и в „Икею“, и в „Ашан“... Как все нормальные люди».

Правда, Дуся всегда сомневалась, что это нормально – ехать в магазин за несколько километров, чтобы купить там еду или одежду, тратить на это полдня, а то и целый выходной день... Но очень многие ее коллеги именно так и жили, и Дуся подозревала, что она, Дуся, наверное... ну, может ошибаться. Возможно, есть там что-то такое, в этих загородных магазинах, чего нет в городских, близлежащих. Надо бы-

ло уже посмотреть, чем же именно, каким товаром примагничивают покупателей эти модные мегамаркеты, хотелось убедиться, что, наверное, не права она, Дуся. Не большинство же знакомых. Раньше, когда была жива бабуля, свободные от работы часы были гораздо дороже, чем таинственные магазины, ни в одном из которых Дуся за много лет так и не побывала. Гораздо интереснее и нужнее было сидеть дома и разговаривать с ней. Как-то, вспомнилось, в интернете Дусе попался вопрос то ли из психологического теста, то ли из социологического опроса: «Что для вас самая большая роскошь?» «Роскошь, – задумалась тогда Дуся, – это что-то такое, за что очень дорого заплачено и без чего вполне можно обойтись, то есть получается, что-то такое, за что дорого заплачено зря. Для меня сейчас самая большая роскошь – поехать на другой конец города в большой магазин и весь его обойти. Примерно как в школьные годы я ездила в „Лейпциг“. Вот уж действительно глупая, совершенно не нужная трата времени». И вот сейчас этого самого свободного времени у Дуси были воз и маленькая тележка, и уж лучше потратить его на подобную роскошь, чем лежать дома все выходные и тупо смотреть то в книжку, не понимая в ней ни слова, то в потолок, постоянно прислушиваясь к звукам за входной дверью.

В «Рамсторе» Дуся быстро собрала в тележку «продуктовый набор»: сыр, колбасу, майонез, две банки сардин в томате, дюжину яиц, сунула в пакет несколько подвявших огур-

цов, подумав, положила туда же пакет самых дорогих пельменей, конфеты в блестящей коробке, красивое ведерко мороженого и бутылку «Фанты» — из всех «химических» напитков Никитка предпочитал ее. Может, Дуся перепутала понедельник? Он сказал — в следующий, а она не расслышала или не поняла? Придет в понедельник как ни в чем не бывало... А может, его хозяева прознали, что детвора научилась открывать замок и Никитка сбегает иногда на несколько часов, и... ну не приковали же его к какой-нибудь батарее наручниками! Просто... ну... в этот как-то пресекли побег. Но черная точка на доньшке Дусиной души ответила: нет, что-то другое, что-то гораздо худшее. Может, он заболел? — даже как-то понадеялась Дуся, чуть поджав в размерах было растущую черную точку. Лучше бы не ангиной, а гриппом, ему же нужно каждый день петь. Почему-то эта версия Никиткиного отсутствия показалась ей хорошей.

Почти ночью, будильник показывал пять минут одиннадцатого, Дуся наконец вошла в свою квартиру. Никакой Никитки у подъезда ее, конечно же, не ждал, а дома пахло пустотой и безысходностью. Так и не выветрился этот запах за лето, да Дуся от него и не старалась избавиться. Переобувшись в тапочки, девушка прошла на кухню, поставила на огонь чайник и села на табуретку, прислонившись спиной к стене. Сил, оказывается, совсем не было. Может, не есть совсем, подумала Дуся, и так усну. Питаюсь бессистемно, уже и так два килограмма лишних набрала. Кефиру надо было

купить, а не колбасы, запоздало вспомнилось, я же собиралась выходные посидеть на одном кефере...

В комнате неожиданно зазвонил телефон, и Дуся бросилась к нему, почему-то, видимо, для скорости, сбросив тапки: так поздно могли звонить только свои. За секунду мозги Дусин перебрал всех, кому она могла понадобиться в это позднее время: друг покойного отца дядя Слава, работавший в Африке, но собиравшийся в отпуск в Москву, Олег, который за день так и не поговорил с Дусей о чем-то для него нужном, лучшая подруга Катюшка, обижавшаяся в последнее время на Дусю за дружбу с Галиной... Может, это Галина отменяет завтрашний поход в магазин? Или это Никитка?

– Алло? – постаралась она сказать как можно беспечнее.

– Дуся, добрый вечер, – поздоровалась трубка голосом Игоря. Вот уж кого не ждали.

– П-привет... – все-таки дрогнул голос. – Игорь, ты уже вернулся?

– Нет, я просто заскучал. Ничего, что так поздно? Я звонил часов в девять, в десятом, ты не подошла.

В девять Дуся только подходила к «Рамстору». А ведь могла бы не пить кофе с Галиной, а сразу бежать домой...

– Однако у меня есть мобильный телефон, – попеняла мужчине Дуся.

– Разве по нему нормально поговоришь? И потом, я дежурю в клинике, можно поболтать немного подольше, если ты не возражаешь...

А вот это – неприкрытое жлобство, удивилась Дуся, говорить по казенному телефону с другим городом подольше, зная, что тебе не придется платить за междугородний звонок...

– Игорь, я, кажется, пропустила: ты в каком городе? – Дуся собралась прикинуть, какую сумму решил сэкономить приятель на разговоре с ней. А ведь до этого все было так чудесно: водил в кафе, два раза были в ночных клубах, цветочки дарил... Развивать отношения не спешил, к себе домой не приглашал и к Дусе, проводив до подъезда, на чай не набивался... Девушка задумчиво посмотрела на симпатичные, хотя и уже чуть пожухлые, хризантемы посреди стола. «А воду в вазе нужно сменить прямо сегодня...»

– Я в Казани, я тебе разве не сказал? Ну мог и не сказать, мне самому это было неожиданно. Шеф в воскресенье на мобильный позвонил и велел на завтра с утра прямо с вещами заехать оформиться – и на поезд.

– Срочная операция? – почти решила Дуся простить Игорю дармовой звонок. – Кроме тебя никто не мог сделать?

Осознавать, что твой приятель – не просто хирург, а хирург экстра-класса, золотой скальпель и все такое прочее, было приятно. Такому можно простить и кое-какие недостатки. Ну, индивидуальные особенности. Сам он про золотой скальпель, правда, ей никогда ничего такого не говорил, наверное, скромничал.

– Да нет, просто по нашему профилю работа есть... А кол-

лега, которого планировали направить, запросился сначала в отпуск, он его каждый год строго в сентябре берет, вот меня пока и послали, так сказать, на замену...

– И что, в этой Казани совсем некому по ночам дежурить? – обида всплыла с прежней силой и Дусе захотелось сказать какую-нибудь колкость.

– Дуся, а везде некому. В Москве тоже некому. Я же в отделение пришел, нужно как-то ребятам помочь. Пусть в выходные дома посидят, отдохнут, пока я здесь. Мне-то в выходные в чужом городе делать все равно нечего...

– А знакомство с достопримечательностями? – Широта души приятеля немного вытеснила впечатление от «подольше», мозг менеджера по рекламе быстро нашел разумное объяснение ночному звонку: возможно, в клинике принято, что командировочные звонят домой по рабочему телефону, это хороший маркетинговый ход: дешево и эффективно создать у приезжих хорошее мнение о клинике. А ночной тариф дешевле, вот отсюда и «подольше». И самому подольше поговорить, и клинику в лишний расход не ввести. Это подходило к образу того Игоря, с которым она вот уже месяц была знакома и регулярно, не реже двух раз в неделю, проводила вечера.

– Успею. Знаешь, казанцы гордятся своим городом не меньше, чем мы Москвой, так что культурная программа мне почти обеспечена.

«Ассистенткой, аспиранткой, а может, и медсестрой обес-

печена, – вдруг взревновала усталая Дуся. – А он не пошел. Но пойдет. Так. Самой не звонить, ни за что не звонить! И номера телефона не спрашивать!»

– По-моему, в Казани есть что посмотреть. Их кремль даже старше Московского... – между тем небрежно проявила она знание истории.

– Вот в воскресенье все и узнаю. Завотделением пригласил присоединиться к семейному уик-энду, они с супругой детей поведут как раз в этот самый кремль, а заодно и меня по Казани выгуляют.

«Дура ревнивая! – разозлилась на себя Дуся. – И что ж ты за дура-то такая! Человек позвонил, человек соскучился, человек хочет пообщаться, а ты все гадости какие-то выискиваешь!»

– А я завтра поеду с коллегой за город в «Икею», я там никогда не была...

– Я был только в Химках, вернее, под Химками. Это же финские или норвежские магазины? Сеть. Нет, кажется, шведские. Больше всего там мне понравилось кафе.

Дуся рассмеялась: приятно было сознавать, что есть еще человек, который не испытывает потребности подражать привычкам «среднего класса», покупая себе необходимое только в определенных магазинах.

– Мы как раз туда и едем, в Химки, на автобусе от «Речного вокзала». А мебель, ты что-нибудь понимаешь в мебели? Какая там мебель?

– Деревенский модерн. Кантри-стиль. А, судя по магазину, все свои пожитки шведы хранят в коробках.

Дуся развеселилась еще больше.

– Может, в сундуках?

– Сундуки не помню, помню коробки разного размера, вставляющиеся друг в друга как матрешки. Ты собираешься покупать там мебель?

– Я посмотреть хочу. Мало ли... – Не стала распространяться Дуся о планируемом ремонте. – Вдруг что-то действительно нужное попадется.

– Если тебе нужна какая-то конкретная мебель, то лучше в интернете поискать.

– Дома у меня нет интернета, а на работе, – на работе, вспомнила Дуся, сегодня не то что о планируемом ремонте и новой мебели, об обеде вспомнить был некогда, – на работе не получилось. Но это идея! В понедельник займусь.

– Что твой мальчик? Успехи делает? – В голосе Игоря послышалась легкая нотка иронии. Дусе понравилось, что тот все-таки не шокирован ее общением с украинцем-попрошайкой, а воспринимает это как... пожалуй, как Дусину блажь. А с другой стороны, кто ему, Игорю, Дуся? Никто. А чужому человеку мы почему-то позволяем многое из того, чего не допускаем в своих близких. Посмотрим, как он будет реагировать на Никитку, когда... если... Дуся решила не додумывать. Чтобы не сглазить.

– Знаешь, давно не приходил. Наверное, успехи делает,

вот и некогда.

– Успех – дело хорошее.

– Хорошее, – поддакнула Дуся. Сказать или не сказать, что Никитка обещал придти и не пришел? Да нет, с какой стати. Он, наверное, придет в понедельник.

– Он тебя не звал полюбоваться на эти свои успехи?

– Я видела же один раз. А сейчас ему и в голову не приходит, что я пошла бы, да и незачем, он и так мне основное рассказывает. Я даже не знаю, где они сейчас работают. У них там как-то расписание, то в одном месте, то в другом... И потом, он же скрывает меня от своих хозяев, он ко мне тайком сбегает... В общем, ни к чему мне.

– Да, я тоже считаю, что знакомится с ними тебе не следует. Ты и так... оригинально себя повела, Дуся.

Дуся засопела в трубку.

– А мне это нравится, – расслышал Игорь Дусино сопение. – Почему бы и нет? Полезно иногда себя сравнить с неудачниками. Как там? Рожденный ползать? – Дуся совсем не считала Никитку рожденным ползать и неудачником тем более не считала. Дуся считала Никитку сильным и порядочным человеком, настоящим ответственным мужчиной, который еще просто не вырос во взрослого, но говорить об этом Игорю почему-то не хотелось. К счастью, он сам перескочил на другую тему: – А мебель, я тут подумал, лучше все же живую смотреть, ты права. Сто лет я не покупал себе никакой мебели. Вернусь – ты сводишь меня по тем

мебельным магазинам, в которых была?

– Да я может и не пойду больше никуда...

– Ну не ходи, потом вместе сходим.

Дусе это понравилось. Вместе покупать мебель – чем не идеальная семья? Только сначала нужно бы сделать ремонт... И вообще, сначала все нормальные люди в их возрасте... Дуся покраснела. Да что ж такое-то, рассердилась она на себя. Да что ж тебе надо-то?

– Так ты когда возвращаешься? – решила она не связывать себя обязательством совместной покупки мебели.

– Не раньше чем недели через три. – Тон Игоря стал извняющим: – Дусь... Тут ко мне пациент зашел...

– Да, конечно.

– Ну пока?

– Пока, Игорьь.

На том конце трубка легла на рычаг, а Дуся все держала свою возле уха, слушая короткие гудки. Что-то не понравилось ей в этом неожиданном звонке. А, бесплатно подольше. Да может, они вообще записывают в какой-нибудь журнал, если по межгороду звонят, и у них из зарплаты вычитают, споря со своим ощущением, нашла Дуся еще одну версию. «Ты просто устала, – сказала она себе. – Ты просто оголодала и вымоталась сегодня, вот тебе все и не так. Спать ложись». Она убрала купленные продукты в холодильник, быстренько приняла душ и улеглась в постель. Есть хотелось, хотелось сильно. «Спи, – сказала Дуся своему желудку и закры-

ла глаза. – Завтра поешь». Желудок послушался и немного притих. Зато Дусина голова снова, как обычно в последнее время перед сном, превратилась в шар размером с ее дом, и сначала издалека, а потом все разборчивее в ней зажужжал гул, похожий на шум толпы – как будто соседи разговаривали между собой, но было не разобрать, о чем. Чуть поднапрягшись, Дуся мысленно сжала руками голову до обычных размеров, но теперь перед закрытыми глазами поплыли обрывки записей. Это на листах написано, сообразила Дуся, на листах, оставшихся лежать на рабочем столе. Макет размером четыре сороковых полосы, последним усилием воли подумала она, все же лучше, чем шесть сороковых. Меньше нельзя, а через номер реклама работать не будет. Лучше четыре сороковых в каждый номер, чем шесть сороковых через номер... Кому это нужно было объяснить, Дуся уже не вспомнила.

2.

День только начинался, когда глаза Дусины открылись сами по себе. Выспалась. Солнце за окном наполовину выглядывало из-за дальних домов, явно намереваясь сегодня отработать по максимуму. «Хорошо, – прислушалась к своим ощущениям Дуся, сравнивая голубое ровное небо и состояние своей души. Душа была с небом в полной гармонии. – Все хорошо. И с работой у меня все хорошо, и с Никиткой хорошо, и с Галиной, и с Игорем... С Игорем? – еще раз переспросила она себя, потому что в этот раз на „хорошо“ душа

не отозвалась. – С Игорем просто еще ничего не понятно, – торопливо объяснила она себе пропажу душевного отклика. – Правильно. Он же мне просто приятный знакомый». Однако безмятежная уверенность в том, что все у нее хорошо, больше не вернулось, и Дуся, прислушиваясь к углублявшейся пустоте внутри себя, с сожалением откинула одеяло.

К психологу, что ли, сходить, к психоаналитику какому-нибудь, размышляла она, прожевывая овсянку, свой ежедневный завтрак, а не заниматься самодиагностикой и самолечением? Надо ведь что-то с собой делать. Может, прикидывала так и эдак Дуся, механически двигая челюстями, лучше без назначения врача никакие травы «от нервов» не пить? Только как ей поможет психолог, тут же спохватилась девушка, если она ничего, совсем ничего не вправе ему откровенно рассказать? Ни про одного важного мужчину в своей жизни, начиная с отца. Потому что это прежде всего – не Дусины секреты и не Дусины дела, даже если они как-то и... психологически повлияли на Дусю. Совсем недовольная собой, Дуся все же решила прямо сегодня зайти к бабушке-травнице и купить какой-нибудь сбор покруче, «от депрессии». Или просить «для сил»? Депрессии у меня все-таки никакой нет, поставила себе диагноз Дуся, просто от усталости настроение не очень и немного голова по вечерам плывет... Хотя, может, это как раз и есть признак депрессии? Сама разберусь, окончательно решила она, убирая со стола. И вообще, домой надо купить компьютер и провести интернет. Выде-

ленку, как у всех нормальных людей.

Пискнул домофон, и Дуся сначала даже не поняла, что это с ним. Не ждет она по утрам никаких посетителей. «Почта? – лениво побрела она в прихожую. – Листовки по почтовым ящикам, бесплатные газеты? Может, телеграмма? От кого?» – прибавила она шагу и сняла трубку:

– Слушаю вас!

– Выйди на улицу! – раздалось из потрескивающего дешевого динамика. Какой-то алкаш ошибся квартирой, а может, подъездом или домом, вызывая своего приятеля опохмелиться с утра.

– Вы ошиблись, – брезгливо ответила Дуся и вернула трубку на место.

Не успела она повернуться спиной, как домофон снова за пищал, на этот раз тот, внизу, держал палец на кнопке. «Ну не милицию же вызывать?» – Дуся спокойно передвинула рычажок звука на панели трубки в положение «off». Теперь нажимай до тех пор, пока не протрезвеешь, вяло подумала она, а еще лучше, чтобы Светлана Ивановна, соседка снизу, сейчас вышла погулять со своим ротвейлером, тогда ты точно запомнишь цифры, которые нужно набирать в следующий раз.

Домашние дела могли подождать до завтра, да до любого дня могли подождать. Только чем же тогда заняться? Из дому выходить часа через два... Однако, интернет дома нужен: сейчас бы Дуся быстро выяснила и симптомы депрес-

сии, и цены на мебель в Москве. Решив прямо в понедельник на работе не только разобраться, где ей лучше научиться водить машину, но и как провести в дом интернет, Дуся загрузила стиральную машину и взялась за уборку. Час – на домашние дела, час – привести себя в порядок, – вот и пройдет утро.

Из дома она вышла, конечно же, точно в срок: умеет Дуся распределять свое время, когда у нее назначена встреча. Нарядилась, пожалуй, чуть не по погоде, ветерок холодный, отметила Дуся и огляделась по сторонам, посмотреть, как одеты другие люди. В пустынном дворе никого не было, только совсем вдалеке, возле баскетбольной площадки, огороженной высокой металлической сеткой, на траве, обняв руками колени и положив них подбородок, сидел... Дуся споткнулась. На земле сидел Никитка. «Под забором, – мгновенно разозлилась на него Дуся. – Вот обязательно нужно сидеть под забором! Совсем вжился в образ! И чего сидит, мог бы...» Дуся решительно направилась к нему, по пути сообразив как-то враз, что домофон у нее отключен, что Никитка никогда не приходил по утрам и что сейчас он не поднялся и не пошел ей навстречу, а сидит и смотрит на приближающуюся Дусю... волчком смотрит. «Опять с хозяевами поссорился и сбежал! – слегка обрадовалась она, гася в душе было запульсировавшую черную точку. – Теперь поедет домой и будет учиться, куда ж ему еще деваться. Сейчас я скажу ему про эти семьсот долларов, на которые он может

рассчитывать, только отвезу их родителям я сама...» Избитое «чего сидим, кого ждем?» никак не проходило – похоже, Дуся сама не пустила мальчишку в дом, не узнав его голос, искаженный динамиком домофонной трубки. А парень явно пришел поссориться, иначе почему бы тогда это «выйди на улицу», а не обычное «Дуньк, открывай».

– Никита, извини, я твой голос в домофоне не узнала, – подходя, торопливо произнесла Дуся вместо «здравствуй». – Только ты сам виноват, я тебя сегодня не ждала. Мы когда договорились встретиться? А сейчас я даже не знаю, что с тобой делать! – Сменила она виноватый тон на строгий родительский. Мальчик смотрел холодно и... враждебно? – удивилась Дуся. В этом возрасте ссорятся сразу со всем миром, вот и Дуся попала под раздачу, объяснила она себе мальчишкин взгляд.

– Меня забрали в детдом. И еще двоих детей забрали, – обвиняюще произнес мальчик, всматриваясь в Дусино лицо.

– Что значит – в детдом? – опешила Дуся. – В какой детдом? Кому вы нужны в детдоме? В детприемник, что ли? Облава какая-нибудь милицейская была?

– Никакая не милицейская. Просто люди забрали. Может, в приемник. Но казали – в детдом. – Мальчик говорил на смеси русского и украинского языков.

– Ну, милиционеры без формы тоже просто люди... – хмыкнула Дуся. – А что хозяева? Выкупили вас?

– Никто не выкупил. Я оттуда удрал. А Маришка с Вла-

диком остались там, в этом детдоме. Ну, другие дети.

– Бред какой-то... – «А может, у нас в стране начали справляться с детской беспризорностью?» – Разве вас трое было?

– Нет, Мыколку с Анюткой не взяли. Только нас троих. У Мыколы с Анюткой это, анализы оказались хорошие.

– Господи, какие анализы? Никит, ничего не понимаю. Рассказывай по возможности кратко и толково. Я, как ты понимаешь, по делам шла. – Дуся прикинула, не позвонить ли Галине, та наверняка еще не вышла из дома, и не перенести ли встречу на часок. Или придется отменить совсем? Надо было решать быстро. Похоже, вчерашняя пятница не была пиковой в серой полоске, проживаемой сейчас Дусей.

– Я вирнулся вид тэбе. Дядь Василя нэ було. – От волнения мальчик перешел на чистый украинский, хотя всегда говорил с Дусей, наверное, на «суржике»? Дуся плохо представляла себе какие на Украине еще есть диалекты. – Воны, нэ разумию як, зашлы.

– Кто – воны? – девушка, оказывается, не так плохо понимала по-украински, как думала раньше.

– Ци людыны. З детдома. Воны казалы, шо в Москве якась зараза, и трэба усих лечить. У нас зараза була, у Мыколы с Анюткой нэ було.

– Подожди. Лечить – это в больнице. При чем здесь детдом? – Впрочем, Дуся что-то вспомнила про «лесные школы», санатории, в которых дети лечатся и учатся круглый

год. От туберкулеза, точно. – Вам рентген делали? И говорил бы ты по-русски...

– Я ж тобі кажу... Рассказываю тебе, а ты як... Я прийшов спросить, можэ, це ты?

– Шо – я? – Разозлилась Дуся. – Сдала тебя в детдом? Флюорографию тебе можно было сделать и проще, только зачем? Ты не кашляешь.

– Шо сделать?

– Анализы, шо! – Дуся вдохнула полную грудь терпения и стала выпускать его по чуть-чуть: – Анализы вам делали как? Ставили на такую большую электрическую штуку, голой грудью прижимали к холодной железке и говорили не дышать?

– Ни, пальцы кололи до крови, а кровь по тарелке размазывали...

– Чего? – От неожиданности Дуся выдохнула обратно все терпение сразу: она никогда не слышала про такие анализы. Может, это на вирусы? В голове промелькнуло: РВ, гепатит, СПИД... Это было серьезно. Мало ли, что нашли у Никитки... Пусть бы уж лучше гепатит... – Никит, – вдохнула Дуся новую порцию терпения, побольше. – Если нашли какую-то болезнь, конечно, ее нужно лечить. Ни о какой работе и речи быть не может. И конечно, лучше это делать в Москве, зря ты сбежал из... детдома этого. – «Господи, да может, у него на Украине вся семья заражена гепатитом, – стала Дуся перебирать возможные причины болезни. – Или он в Москве

по этим трущобам или в метро заразился?» – потому что если это зараза, – продолжала она, – ты же не только в Москве в метро, ты потом дома и других людей заразишь, и сам... ну, вряд ли вылечишься. Кто там вас проверять-то будет? У вас в деревне поликлиника есть?

– На хуторе нымае. З Ремитов приезжают врачи да руки дитям царапають. Литом. Кажуть, нэ купаться, тильки всё купаются. И нычого. Приедуть, позаписывають, в кого яка шишка выросла, да й всё. А пальцы колоть и железкой в нос и в уши – це маты в Ремиты возыть.

Руки царапают – это как Дусе в детстве, проверка на туберкулез. Только у Дуси царапина заживала быстро и бесследно. Если там у всех детей шишки, так может, у всей деревни туберкулез? Только что это за анализ – пальцы колоть и кровь по тарелке размазывать? По какой тарелке? Можно будет спросить у Игоря, он врач, но как он среагирует, тут же засомневалась Дуся, что она общается с чужим – чужим же! – зараженным опасной инфекцией мальчиком? Час от часу не легче. Еще Дуся не знала, должна ли она выяснять эпидимеологическую ситуацию в глубокой деревне другого государства. Точнее, не знала, что делать, если там действительно... ну, не все благополучно. Сообщить в Красный Крест?

– Ну вот, плохо там вас лечат, – решила Дуся разобраться с возможной эпидемией в далеком карпатском хуторе позже. – Так что лечись-ка ты в Москве.

– Мне грошей треба. Деньги нужны, – перевел он Дусе. – Ты ж знаешь! А глисты ци и дома маты вылэчить, без всяких врачей. Полынь позавариваеть да позаставляеть пить.

– У тебя еще и глисты? Ну, Никит... – Дуся рассердилась на себя. Надо было еще раньше дать мальчишке денег и отправить его домой. Только не дает Дуся такие суммы первым встречным, даже очень симпатичным, детям. Это за три месяца она Никитку... полюбила? нет, не полюбила, просто узнала поближе, поэтому и решила как-то поддержать парня. Надо же быть кому-то нужной, впервые за последние месяцы призналась себе Дуся, так лучше – хорошему человеку...

– Воны казали... Они говорили, что – глисты, поэтому нас и лечат. З дому не выпускають, кормлють, моють кажен динь...

– Ну, каждый день моються все нормальные люди. И естественно, не выпускают, если инфекционное отделение. А про глисты они сказали, слава богу, я так понимаю, чтобы вам было понятнее. Ты других болезней, кроме глистов, боишься? Нет. – Дусе стало поспокойнее: хорошая больница, если даже бродячих детей там лишний раз не пугают. – Где хоть это? Адрес какой?

– Никак, просто дома и все. Улица. Оттуда идешь, идешь по лесу, а потом до тэбэ приходишь.

– А когда до мэнэ выходишь, улица как называется? – Терпения Дусе было не занимать.

– Никак она не называется. Нету названия.

– Написано на домах что? На черных или белых табличках... Какое там было слово?

– Нету же, говорю тебе, названия. Написано – девятая, и все.

– Так, уже лучше. Девятая рота? Или девятая Парковая? – Других улиц, называющихся на девятку, Дуся не знала. Надо посмотреть в интернете, наверняка в Москве еще девятые есть, взяла она на заметку себе. В поисковике набрать «больница», и выплывает эта «девятая». Наверное, эта большая больница, что в Сокольниках.

– Не, – буркнул Никитка, – Девятая тай всё.

– Ну всё так всё. Ладно. – Нужно было идти, и Дуся сходу постаралась придумать что-либо конструктивное для мальчишки: – Короче, Никит. К дяде своему Василию не возвращайся... Наверное, давай я тебя у себя дома оставлю. Я тебя закрою на ключ, а часа в четыре, самое позднее, в шесть-семь, приду и поговорим.

– Ага, и з тобою придутъ врачи и заберутъ меня лечить?

– Нет, балбес. Говорю же тебе, это не я в вашу контору врачей направила. Я даже не знаю, где вы обитаете. И знать не хочу. Давай-ка, Никит, ты поживешь у меня неделю, обследуем тебя в другом каком-либо месте и уже тогда будем решать, как тебе выздороветь.

– Дуньк, мне работать надо, а ты туда же – лечить. Здоровый я! И жить я у тебя не буду! Денег мне надо, ты что,

совсем тупая?

– Не надо тебе работать. Я тут... – Дуся сделала радостное лицо, – на улице денег нашла, кошелек. Там их было очень много, денег этих, вот половину я тебе и отдам. На дом как раз хватит. Так что работать тебе больше не надо, деньги у нас есть, а ты теперь лечиться будешь.

– Врешь! – Мальчишка поверил сразу, по его представлениям, очень много денег вполне могли поместиться в один кошелек. Какие же разные суммы люди имеют в виду под словами «очень много денег», в который раз удивилась себе Дуся. Когда-то и ей зарплата в одну тысячу долларов представлялась космической... Никиткины глазищи излучали восторг и зависть: – Прямо так на улице и лежал?

– Ну что такого-то, ей богу! – Дуся отметила, что зависть в мальчишкиных чернящих глазах... ну, вовсе не черная, а вполне приемлемого Дусей качества. – Конечно, так и лежал. Люди и чемоданы с вещами теряют, а тут – кошелек. Он же маленький.

– И никто не видел, одна ты?

– Ну да. Он сбоку на траве лежал, – понесло Дусю. – Когда дорога ровная, никто же под ноги не смотрит. А я случайно посмотрела. Там в кошельке ничего не было, кроме денег, поэтому хозяина найти, чтобы ему вернуть пропажу, нельзя никак. Пришлось взять себе, не выбрасывать же! Может, это бог как раз тебе на дом послал.

– А был бы хозяин, ты бы отдала? – оторопел Никитка.

– Отдала бы, конечно. А ты бы не отдал? – Мальчик опустил глаза в землю, и Дуся смягчила предполагаемые условия: – Вдруг человек эти деньги на дом себе копил и потерял, или на лечение, да мало ли на что! Может, они у него последние!

– Я бы все равно не отдал, если бы нашел, он же их уже потерял... – Никитка открыто и смело посмотрел на Дусю, считая себя правым в своей непорядочности, но тут же прислушался к чему-то внутри себя и засомневался: – Или отдал бы... Вообще-то, лучше заработать самому, тильки цэ ж долго, а тут – вот они, гроши... – он вдруг сообразил, что терзается зря, владельца-то нет, и перешел в наступление: – Ты что пристала, Дунык! Есть же деньги и нету хозяина! Был бы хозяин – тогда бы и решали! И вообще, это ты нашла, а не я, – снял он с себя всякую ответственность за чужие деньги. – А зачем ты мне половину отдаешь?

– А нельзя себе брать все, если даром досталось, – тут Дуся не врала, она действительно так считала, всегда делаясь удачей с окружающими. Вот только делать это приходилось незаметно, потому что они, окружающие, чаще всего реагировали на Дусины жесты... плохо реагировали. – Надо поделиться. Иначе пользы от дармового не будет никакой, не только все, что найдешь, потеряешь, и еще своего немножко. А самый неимущий из моих знакомых у меня как раз ты. Может, бог как раз тебя со мной и познакомил, – стала подводить Дуся базу под свое поведение, – чтобы я те-

бе денег дала. Ну, когда найду, – поправились она тут же. – Он же знал, бог, что я их найду... Ты же просил у бога денег? И я просила тебе денег. Вот он нам на двоих и дал.

– Бог – он непонятный, – согласился мальчик. – Бывает, чего просишь – захочет, так даст, не захочет – не даст... Я ножик складной просил, просил... Там останется на ножик? Конечно, останется, – тут же ответил он сам себе. – А если не останется, мне теперь отец купит, – утвердился Никитка в мысли, что вопрос с покупкой дома уже отпал и он выполнил задачу, возложенную на него родителями. Он же заработал денег. Вернее, добыл. Какая разница, как? Главное, не украл. Дунька на дороге нашла.

– Никит, – Дуся посмотрела на часы и заторопилась: – я опаздываю очень сильно. Пойдем, я тебя в квартиру введу и побегу.

– Ни. – Твердо посмотрел он на Дусю, и та поняла, что спорить бесполезно. – Я к тебе вечером приду. Может, ты врачей...

– Ну вот что, – она не стала устраивать разборки по второму кругу. Вечером – так вечером. Самостоятельный же парень. – Надеюсь, ты к дяде своему Василию больше не вернешься?

– Ни, вин гроши забэрэ... Те, шо ты дашь... Тільки як я до дому?.. – мальчик задумался.

– Вот тебе сто рублей, нет, лучше двести. Поешь возле метро, а вечером решим, як ты до дому. Только в мили-

цию не попади. Договорились? Все будет нормально. В конце концов, если у тебя со здоровьем все серьезно... а скорее всего, серьезно... Ну, у меня есть идеи по этому поводу. Все, до вечера. — Дуся ободряюще улыбнулась, скорее себе, чем парню. — Пока?

— А ты куда? На работу?

— Нет, в магазин. Очень далеко отсюда. Мы должны с приятельницей встретиться. Ты в котором часу придешь?

— Як стимує.

— Значит, в семь-восемь. Ну и нормально. — Дуся повернулась и быстро пошла к метро. Наверное, пиковым днем в серой жизненной полосе все-таки будет понедельник. Не воскресенье же! Так что за эти два дня вполне можно поднабраться сил. Вполне.

На эскалаторе метро Дуся сообразила, что в сумке у нее нет никакой книжки. Вот незадача! Теперь придется опять сидеть и исподтишка разглядывать людей, которых сейчас в вагонах не так много и которые так же краем глаза будут разглядывать Дусю. Не любила Дуся эти игры в гляделки, вернее, в подглядки. Купить книгу надо было заранее, укорила она себя, знала ведь, что выходные, а в гости ты никого не ждешь. Дома бы почитала, если бы не поехала никуда.

Дуся вошла в вагон подошедшего поезда: да, народа немного. Люди, едущие по своим делам поздним утром в субботу, сильно отличались от тех, что ездят в метро в эти же часы будних дней. Прямо скажем, кардинально от-

личались, как будто Дуся оказалась в другом городе. В прежней Москве, подумала Дуся, двадцать лет назад, вот где я оказалась. Вагоны те же, что и в пятницу, а пассажиры – нет. Москвичи, поняла Дуся, со мной в вагоне сидят одни старожилы. Дуся ничего не имела против «гостей столицы», или старалась думать, что не имела, но сейчас отчетливо поняла, что хотела бы видеть метро таким и в другие дни: пустым и домашним. Ощущение безопасности, уюта и налаженного быта – вот что витало в вагоне.

Дама едет на дачу, решила Дуся, краем глаза рассматривая женщину, сидящую прямо напротив нее. Простоватая вместительная сумка явно с продуктами, брючкам очень много лет, фасон старый, но выглядят как новые, видимо, одевает их женщина только вот по таким дачным случаям. Ухоженные руки совершенно не вяжутся с чистенькой детской панамкой, надетой на остатки вчерашней прически. И глаза подкрашены – по привычке не выходить из дома без макияжа. Не врач, стала вычислять методом исключения Дуся, потому что – яркий маникюр. Учительница? Нет, лицо слишком расслабленное, у учителей к такому возрасту вырабатывается особое выражение лица, как будто они все время начеку, учителей ни с кем не спутаешь. Даже если и пенсионерка, то не домохозяйка – те живут на дачах с начала весны. Женщина Дусе нравилась. Инженер? Слишком ухоженная, те попроще. Бухгалтер? Да нет же, бухгалтерши нервные, а эта... Женщина встретила взглядом с Дусей и чуть

улыбнулась. Дуся тоже улыбнулась в ответ и с сожалением встала: пора переходить на другую ветку.

Интересно, мы бы с ней познакомились, раздумывала Дуся, шагая по переходу, если бы я поехала дальше? И почему мне хочется общаться с женщинами намного старше меня? Да потому, тут же честно ответила она себе, что ровесницы все время со мной... соревнуются? Ну да, мы все друг другу что-то доказываем, доказываем, сравниваем свои внешние данные, свои карьерные достижения, даже свои проблемы, все по школьной привычке стараемся вырваться вперед... А когда человек жизнь уже не то чтобы прожил, но устаканил, он перестает соревноваться с другими, он свою, уникальную жизнь, ценит и проживает с удовольствием, без оглядки на других, и им, другим оставляет право жить так, как тем хочется.

Не все, тут же поправила себя Дуся, вон соседка снизу Светлана Ивановна, та живет безо всякого удовольствия. Или, точнее сказать, всеми недовольная. Богом обиженная, говорила много раз про нее Дусина бабуля, ни себе ни людям. И собаку-то завела себе злобной породы и подлую. Пес гадит исключительно на детской площадке, не дожидаясь, когда его отведут в сквер. А эта убогая, каждый раз брезгливо удивлялась бабуля, знает, что весь дом в окна это видит.

Дуся физически ощутила тоску по умершей бабушке. С каким бы удовольствием сейчас сидела Дуся на собственной кухне и обсуждала с ней все подряд – телевизионные

новости, поведение своих немногочисленных подруг, погоду, да мало ли что! Дусе казалось, что про людей бабуля знала все, классик психоаналитики Берн отдыхал, когда бабуля раскладывала по полочкам возможные варианты поведения Дусиных подруг и знакомых. Больше всего Дусе захотелось сейчас не трястись в полупустом вагоне, чтобы потом полдня бродить по большому не нужному ей магазину, а свернуться калачиком дома под одеялом и хоть немножко поплакать. Совсем чуть-чуть, чтобы душу отпустило, но не сильно опухли глаза.

Они договаривались с Галиной встретиться на остановке бесплатного автобуса, который возил потенциальных покупателей прямо до торгового комплекса и обратно. Опоздавшая минут на пятнадцать Дуся почувствовала себя преступницей, увидев приятельницу, опершуюся на перила ограждения сбоку от толпы и задумчиво кулившую, похоже, не первую сигарету.

– Извини, – почти подбежала к ней Дуся, – я задержалась, потому что, представь, неожиданно Никитка пришел. Здравствуй, Галь.

– Да ничего. – Похоже, Галина действительно несколько не обижалась. – Что это он с утра явился?

– Да Галь, целое дело, давай не в автобусе расскажу. В двух словах – их поймали и обследовали, нашли какую-то болезнь. Он не знает, какую, говорит – глисты. Положили в больницу и лечат. А он от них сбежал.

– Кто поймал, кто обследовал, в какую больницу? – Галина промахнулась окурком мимо урны, не обратив на это внимания. Она смотрела на Дусю, вытаращив глаза.

– Я так понимаю, какие-то органы по борьбе с беспризорностью.

– Какие же они беспризорники, твои побирušки? Они – мафия.

– Ну не дети же, Галь. Мафия – хозяйева, эксплуатирующие детский труд.

– Так эту мафию посадили, а детей забрали?

– В том-то и дело, что нет. Что-то странное он рассказывает. Вечером придет, расспрошу подробнее. Меня больше беспокоит, что у него за инфекция.

– Дуся! – Подходил автобус, и Галина, одной рукой придерживая сумку – мало ли, в толпе всегда карманники – другой рукой потащила Дусю за руку к месту предполагаемой посадки пассажиров. – Болезнь или инфекция? Если инфекция, то ты же понимаешь, какая! – Осознав наконец ситуацию, Галина закричала шепотом: – Летучая! Воздушно-капельная! А ты с ним общаешься! Приводишь его в дом! Кормишь-поишь его из своей посуды! Ты же можешь заразиться. Тебе-то эти проблемы зачем?

Они ввалились в салон. Да, многовато желающих съездить в заветные магазины на бесплатном автобусе, подумалось Дусе, а вот она в них никогда не была и сегодня с удовольствием бы не поехала, если бы не вчерашняя договорен-

ность с Галиной. Дуся и сама только сейчас отчетливо поняла, что если у Никитки опасная инфекция, то она, конечно же, тоже «в зоне риска».

– Если это заразно, конечно, я могла заразиться, – зашептала она Галине в самое ухо, когда двери закрылись и битком набитый автобус тронулся с места. – Но у меня очень хороший иммунитет, я простудными заболеваниями в жизни не болею. Да я ничем не болею, честное слово!

– Дуся! – Зашептала в ответ Галина. – Ты с ним общаешься три месяца! Нет здоровых людей, есть недообследованные! Сначала проверься! А если не болеешь, так заболеешь, если это ваше общение не прекратить! Чем конкретно он болен, Никитка? Если в больницу положили – это серьезно. Ребенок этого не понимает, но ты-то взрослая женщина, ты понимаешь! Не усугубляй ситуацию! Ты же не будешь ему потакать? Мальчик с опасной инфекцией будет болтаться по улицам и что? работать в метро? Поговори с ним, что значит – сбежал? Сбежал – верни его обратно, пусть наша медицина разбирается! Ты его к себе приручила, прости, Дусь, как собачонку! – Шептала Галина все громче. – Ты ему сделалась нужна, а теперь ты должна, должна, Дусь, благополучно выйти из этой ситуации. Пусть его вылечат, отвези ему денег – и все, спасибо за дружбу! И считай свою миссию, которую ты на себя возложила, прости, Дусь, чтобы хоть чем-то заняться, потому что потребность о ком-то заботиться никуда не делась, а бабушка твоя умерла, считай свою

миссию выполненной и займись построением собственной семьи. Он вообще не гражданин нашей страны, это же наверняка понятно тем, кто взялся его лечить, а не выдворил тут же на свою Украину! Хотя надо! Мне кажется, положено как раз именно так! А ты... ты его собираешься дома держать... Господи, Дуся!.. – Галина уже почти говорила в голос.

Дуся, плотно прижатая людьми со всех сторон, повела глазами вокруг. Да, прислушиваются. А что еще делать в переполненном автобусе, не затыкать же уши?

– Галь, давай об этом в понедельник поговорим, а? Вечерком после работы.

– В магазине поговорим.

– Поссоримся, Галь.

– Это нежелательно, потому что нечестно. – Галина устало улыбнулась, но продолжала уже тихо и почти совсем спокойно: – Если я не буду ничего знать, я буду о тебе беспокоиться сильнее. В воскресенье позвони мне, лучше с утра, уж побереги мои нервы, расскажи хоть вкратце, что и как. До вечера понедельника быть в неведении не хотелось бы.

Они замолчали, думая каждая о своем. Дуся уже жалела, что вообще проговорила Галине об этом обо всем: о Никитке, об их странном, с точки зрения... обывателя? ну да, обывателя, общении и о Дусиной растущей привязанности к чужому мальчику. Бросить, как советовала Галина, мальчишку в новой беде Дуся никак не могла. Полоса у него та-

кая. Сильно, по Дусиным меркам, черная. Как там? «Бачилиы очи, шо куповалы, еште, хоть повылазьте?» Дуся же первая к нему подошла. А еще, когда она будет завтра спорить с Галиной, можно будет аргументировать цитатой из какого-то фильма: «Его я больше никогда не увижу, а с моей совестью мне еще жить». Или это не из фильма? Впрочем, эта цитата не совсем годится Дусе: ей кажется, что с Никиткой она будет знакома... ну, долго, очень долго. Может, всю жизнь. И не потому, что Дусе нечем заняться. Просто мальчик такой, уникальный мальчик. Интересно с ним Дусе. Я бы никогда, призналась себе Дуся, в одиннадцать лет не смогла зарабатывать. В одиннадцать лет я была... ну да, сказала она себе правду, в одиннадцать я была полная дура. И в тринадцать, и в семнадцать. И если бы родители не погибли, а бабушку не свалил инсульт... Вот они, открыла Дуся в себе цинизм, которого не замечала раньше, плюсы любой ситуации. Я была бы еще неизвестно сколько набитой блаженной дурой, будь мои родители живы. А я считала поговорку о том, что в любой ситуации есть свои плюсы, неверной. Есть, вот они, плюсы – я сильная и самостоятельная женщина. Только почему, закручинилась девушка, вот у Никитки есть родители, а он все равно самостоятельный, а мне для этого нужно было – Дуся хмыкнула – попасть в особые условия?

– Тебе не нравится? – Автобус как раз свернул к торговому комплексу, и Галина адресовала Дусино ироничное похмыкивание именно ему. – Ну да, архитектура не очень.

И вывески безвкусные. – Три месяца работы в рекламном агентстве не прошли даром для Галины. – Но мы же не снаружи смотреть приехали. Ты ремонт-то делать будешь? – честно постаралась Галина уйти от разговора о Никитке. – Надо делать, Дусь. Может, каталоги какие полистаешь, что-нибудь новенькое присмотришь. Ты что вообще планируешь сделать из квартиры?

– Не знаю, Галь. Мне и так все нравится. Просто, все говорят, неприлично, что ли, жить без свежего ремонта. Может, еще годик отживу, а? – Дуся с надеждой посмотрела на Галину.

– Не выдумывай.

– Это же все бабушкино.

– Не обязательно же выбрасывать! Раздай.

– Кому?

– Дусь, ты, ей богу, как маленькая. Объявления по столбам развесь, нуждающиеся сами придут и сами же все вынесут.

– Наверное, так и придется сделать, – Дуся вздохнула. Сначала нужно принести в дом коробки и все вещи в них сложить, а потом уж раздавать пустую мебель. Много лет назад Дуся уже занималась сбором пожитков в коробки, только мебель из родительской квартиры она тогда не продавала и не раздавала – просто оставила там, в квартире, которая перестала быть ее домом, и все. Некогда тогда было заниматься пристраиванием родительской мебели «в хорошие

руки».

Магазин Дусе не понравился. Они с Галиной вертели и рассматривали со всех сторон дешевые и красивые фужеры, заварочные чайники, салфетки, подставки под горячее, придирчиво щупали пледы и постельное белье – хорошо ли к телу, как будто действительно собирались все это покупать... В этом магазине вроде бы и все есть, можно зайти сюда и купить любые вещи, нужные для быта – шкафы и кровати, постельное белье, лампы, даже комнатные цветы в горшках, купить сразу, в одном магазине, никуда больше не выезжая. И действительно нигде в Москве она не видела ни таких тарелок, ни таких пледов и штор... А с другой стороны, часто ли ходит Дуся по ненужным магазинам? Только если в промежутке между рабочими встречами образовалось «окно», которое ничем не закрыть, а она далеко от офиса. «Мебель точно здесь не буду покупать, – твердо решила девушка, стоя в небольшой очереди в кафе. – Шведский стиль – это совершенно не мое. А Игорь не прав, эти коробки все же прилично смотрятся. Только кто их видит на антресолях и как их потом различать? Сейчас я помню, что праздничная скатерть у меня лежит в красной коробке от сигарет «Марльборо», а столовые приборы – в коробке от телевизора «Филипс», прихваченной прямо с помойки. А если все эти коробки были бы одинаковыми, развеселилась Дуся, пришлось бы, наверное, их нумеровать? Или лучше пометить краской разных цветов? И запоминать по-другому:

скатерти в коробке номер семь, а ножи – в коробке номер четыре...

Стоя в очереди в кафе – наверняка каждый из посетивших «Икею» что-то перекусывал здесь, заговорил в Дусе профессионал, и никакая реклама заведению не нужна – девушка решила все же сейчас что-нибудь купить. Иначе как она скажет знакомым, что с пустыми руками вернулась из «Икеи»?

Женщины уселись в части зала, предназначенной для курящих, и, быстро поев, Галина с удовольствием затянулась сигаретой. Дуся прожевывала шведские закуски не спеша и с удовольствием. Готовили шведы вкусно.

– Человек приходит в этот мир голым и уходит голым, – начала философскую беседу Галина, намереваясь, похоже, посидеть здесь подольше. – И чего ж мы тогда суедемся, суедемся, все чего-то хотим, все нам не хватает каких-то тряпочек, стульчиков, вазочек?

– Галь, тогда зачем мне делать ремонт? Пускай все так, не каплет – и ладно, – поддержала беседу, чтобы порадовать подругу, Дуся.

– Да вот ведь какая незадача, человек – животное стадное, и если ты не будешь создавать вокруг себя эту бутафорию, – женщина повела рукой вокруг своей головы, – человечество тебя не поймет. – Галина как-то даже сожалела о том, что столько сил нужно тратить на то, чтобы нравиться человечеству, как будто не она твердила Дусе, что той обязательно нужно делать ремонт. – Диоген переселился в бочку, так

до сих пор его склоняют, а уж сотни лет прошло. Может, все же что-нибудь купим? Скидки все-таки.

– Купим, конечно. Только ты уверена, что это скидки? – В Дусе снова проснулся менеджер по рекламе. – Тут про один магазин слышала, женщина жила с ним рядом жила, и в какое-то время решила купить новый холодильник. Заранее подобрала модель и ждала, когда настанет период скидок. Наступил. Она пришла и обалдела – холодильник, который она давно облюбовала, стоит столько же, сколько и до скидок, только первоначальная цена на ценнике больше указана, а та, что до скидок была – теперь записана как скидочная.

Галина засмеялась:

– Не может быть!

– Ну я сама не проверяла, хотя у меня на «Семеновской» этих брэндовых магазинов бытовой техники полно, но верю. Ты же видишь на витринах шмоточных магазинов иногда прямо краской на окнах написано «sale», круглый год. Получается, в магазине круглый год скидки. То есть изначально цена завышена. Там маленькая витрина «новая коллекция», а все остальное – ценники со скидками. Прямо промышленным способом напечатаны ценники с двумя графами для цен – старой и новой.

– Но вообще-то желание купить подешевле – нормально.

– Вот на нем и играют. Строители точно так же, сразу в договор закладывают скидку процентов в десять, и если клиент

ее попросит, легко дают.

– А если не попросит?

– А нет – нет. Кто же сам предложит, если клиента сумма устраивает.

– Ну, Дусь, ты просто клад. Мне бы никогда в голову не пришло просить скидку.

– Поработай с мое. А вообще, Галь, почему ты решила стать администратором, а не менеджером по рекламе, например?

– Знаешь, Дусенька, мне и в голову не приходило, что я могу быть менеджером по рекламе. Мне казалось, здесь нужно иметь хорошее образование, какие-то знания...

– Безусловно. Но лучше – опыт. А он, как ты понимаешь...

– Да уж.

– Галь... тут такое дело... – Решение пришло к Дусе мгновенно и показалось правильным. – Видишь ли... Мне один рекламодатель работу предлагает. Крупная фирма, дистрибьютор известной бытовой техники...

– Это Борисенкой твой?

– Ну да, Борисенко. Только я вот так все бросить не могу. Как оказалось. И отдать своих рекламодателей в нашем агентстве мне совсем некому, у девчонок своих клиентов полно. То есть они бы и еще взяли, но я как-то... ну, не вижу, кто их нормально поведет. Да нет, ты не подумай, у нас хорошие менеджеры! – Дусе не понравился ироничный взгляд

Галины. – Просто клиента, его же любить надо... Ну, в общем, – решила Дуся не дискредитировать коллег, а просто объяснить главное, над чем думала несколько месяцев и вот сейчас вдруг придумала: – если ты захочешь перевестись менеджером по рекламе, я бы тебе своих клиентов отдала. У тебя получится, и я буду спокойна.

– А Олег? И почему я?

– Олег нормально среагирует, что ты, вот увидишь.

– Я имею в виду, Олег тебя отпустит?

– А куда он денется, – Дуся сделала лицо безразличным, – я заявление напишу, две недели пройдет, и – до свидания! Опять же, рекламу я буду давать через наше агентство, так что убытков Олегу никаких. Хотя, конечно, выгоднее давать напрямую в издания... Понимаешь, Галь, – Дуся сочла нужным объяснить причину своего желания уйти с любимой работы, – у меня же не просто образование. У меня элитное образование. Я институт, знаешь, с каким трудом заканчивала! Денег не было и все такое, – не стала распространяться Дуся про гибель родителей и бабулин инсульт. – И получается, что сейчас микроскопом гвозди забиваю. Любая девчушка в здравом уме может делать то, что я делаю. Ну, не любая, – вспомнила Дуся предшественницу Галины, ушедшую в другой отдел «с повышением», – эгоистка не может. Но ты-то смогла бы! Это и денег больше, – стала расписывать прелести работы, которую собралась бросить, коварная Дуся, – это и время сама распределяешь, это и с людьми самыми разными

ми общаешься... Ну подумай, Галь! А я тебе поначалу помогу. По телефону. Если что, будешь мне звонить, я тебе и контакты отдам, и все что нужно... А, Галь?

– Да нет, Дусь... – Галина явно растерялась от такого неожиданного предложения. – А вдруг у меня не получится? И зачем же я тогда язык учу? Я себя замотивировала тем, что офис-менеджеру обязательно нужен английский, чтобы отвечать на телефонные звонки.

– А менеджеру по рекламе, думаешь, не нужен? Нужен еще больше! Почему у меня сплошняком иностранные представительства? Да потому, что иностранцы еще на выставках решают, кто их будет рекламировать. С кем познакомятся, с тем и работают. А приезжают они сюда, как ты понимаешь, без языка... Ну да, все они берут переводчиков, но одно дело, когда из рекламного агентства тебе через переводчика предложение делают, и совсем другое дело, когда напрямую на языке общаются... Да первое время тебе язык-то и не нужен! Зачем тебе новые фирмы? – спохватилась Дуся. – Тебе моих будет вполне достаточно! Ну, поначалу, – совсем запуталась Дуся в аргументах, – а потом уже новых будешь брать, как раз за год язык подучишь...

– Дусь, я подумаю. – Галина явно решила отказаться. – Это же не завтра, в смысле, в понедельник, нужно решить?

– А что, – решила Дуся отрубить сплеча, – можно и в понедельник. Чем раньше, тем лучше. Потому что я отсюда, – глаза ее стали большими, – наверное, никогда не уйду, если

сейчас не уйду. Люблю я эту работу.

– Господи, так в чем тогда дело?

– Как – в чем? Я ж тебе объяснила, неприлично не применять мое образование. МГИМО все-таки. Экономист я, конечно, никакой, но можно же подучиться маркетингу, тому, сему...

– Знаешь, – Галина решительно поднялась, – давай вернемся купим все-таки эти подставки под кружки, нам в офис, и я еще домой куплю комплект кухонных полотенцев и ступку.

Небольшую фаянсовую ступу с пестиком они видели в отделе посуды.

– Ступка-то тебе зачем?

– Интересная вещь. У меня никогда не было в доме ступки. Таблетки буду растирать, перекись водорода, знаешь? Перец буду не молоть, а в пыль разминать, да мало ли куда ее можно применить, ступку!

– Ну давай вернемся, – Дусе тоже захотелось ступку. – Орехи для сациви тоже можно толочь, чеснок...

– Умница. Человек приходит в этот мир голым и уходит голым, но ступка в течение жизни ему бывает нужна. И не одна только ступка. Хотя можно и как Диоген. – В глазах Галины светилась ирония. – Так пойдем?

– Пойдем.

Дома, выгружая и бело-синего пакета покупки, Дуся недоумевала, зачем она это все купила. Свечки в алюминиевых

поддончиках – да, действительно, в два раза дешевле, чем продаются возле дома, но зачем ей сто штук? Кухонные полотенчики, как и у Галины – так у них... у нее и своих полно, бабушка впрок запасла на всю оставшуюся Дусину жизнь. Не выбрасывать же эти? Вешалки для одежды – да, это ценно, но вешалки можно было купить и не за сто километров от дома. Эти, конечно, шведские... хотя вряд ли шведские, Китай какой-нибудь. И вообще, какая разница, на какую вешалку вешать одежду – на китайскую, французскую или шведскую? И чем российские вешалки хуже? Все-таки человек – животное стадное... Но я отдохнула, нашла плюсы. Дуся в походе в известный магазин, я расширила свой кругозор и вкусно поела. И теперь я знаю, где я точно не буду покупать себе мебель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.